

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ КАК ИНСТРУМЕНТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Аннотация. *Статья посвящена исследованию вопроса о соотношении модернизации и социально-духовного потенциала России. Актуальность темы обусловлена как теоретически, так и практически. В годовщину российских революций существенной задачей представляется определить внутренние институциональные и структурные условия, обуславливающие социально-политическую динамику развития России; установить решающие факторы актуальной социальной модернизации; наметить главные направления социально-экономической трансформации.*

Ключевые слова: революция, эволюция, модернизация, геополитика, демография, россиеведение.

Русская революция 1917 г. – событие, положившее начало новому государству, новому обществу и новому мировому порядку. Это была попытка построить общество социальной справедливости, равенства и братства, причём в глобальном масштабе. Социальный инжиниринг происходил на фоне колоссальных социальных задач по модернизации, поэтому советский проект часто критикуется как утопия, тоталитаризм, новая система неравенства и эксплуатации.

Столетний юбилей тех событий в России даёт нам возможность рассмотреть феномен революции масштабно и в диалектике развития науки, техники, культуры, общества, массового сознания. В условиях инновационного ландшафта современной России анализ типов развития – революция / эволюция / синергия, – сохраняет свою актуальность с учетом социального расслоения, демографической диспропорции Востока и Запада, Севера и Юга России.

2017 год – это кайрос, обладающий когнитивным потенциалом осмысления и интерпретации событий советской истории. Короткий проект строительства социализма в России охватил в общей сложности более 70 лет и прошел несколько стадий, различавшихся целями, механизмами реализации идей и результатами: от радикальной модели (военный коммунизм) к переходной/нэповской (многоукладное общество)

и распределительно-плановой модели (советское общество). Сегодня как никогда важно обозначить процессы трансформации идей в мифы и конвертации их в конкретные управленческие решения.

Культуролог В.М. Розин призвал осмыслить знаменательные события 2017 года в связи с тем, что в мире назревает череда новых серьезных социальных трансформаций и перемен, и важно определить место России в глобальном порядке: создаём ли мы что-то новое или идём в фарватере Запада, копируя их образцы мысли и жизни [7, с. 41].

Ответ на этот вопрос можно дать, проследив геополитические тенденции последнего столетия. После Второй мировой войны образовалось два блока – один во главе с США, второй – во главе с СССР. Странами третьего мира стали называть тех, кто занял позицию не присоединения, например Индия, ЮАР, Эквадор. Эта политическая характеристика во многом совпадает с экономическим развитием. Главным бенефициаром технологий, капиталов, высокого качества жизни являются страны первого мира. Россия последнее столетие занимает положение страны второго мира, и это не хорошо и не плохо, это объективный факт, связанный с тем, что она не могла остаться в когорте стран первого мира в силу накопившихся социально-экономических проблем. Решительный способ преодоления отставания общественных сил получил название октябрьской революции.

Коммунизм как радикальная социальная утопия отработал свою роль не только в отечественной, но и в глобальной модернизации, дав надежду многим миллионам людей на достойную жизнь. При этом он улучшил не только жизнь масс в отсталых странах, но и способствовал укреплению принципов социального государства в развитых индустриальных государствах.

Учитывая сложность и неоднородность модернизации, следует считать её не только политэкономической трансформацией, связанной с навёрстыванием индустриальных держав. Модернизация в социокультурном плане – это усовершенствование общественных отношений, представленная в индивидуации, эмансипации, рационализации, квалитетности жизни.

В 2017 году проходят десятки научных конференций, посвящённых анализу уроков Октября и последствиям российского социального эксперимента XX века. Некоторые редакторы сборников уже выложили материалы в базу РИНЦ, и можно подвести определённые итоги: 1) тема сохраняет актуальность, про революцию подают много материа-

лов разные специалисты – историки, социологи, философы, искусствоведы и др. учёные; 2) география участников включает не только Россию, родину революции, но и республики, разделившие с ней историческую судьбу – Азербайджан, Беларусь, Дагестан, Узбекистан и др.; 3) затронуто много аспектов революционных событий: охвачены дневники очевидцев, региональные события, политэкономические, юридические, гендерные и даже эстетические аспекты.

Отрадно, что преобладает зрелая научная оценка советского прошлого. Особенно хотелось бы отметить следующие концептуальные идеи: 1) комплексность, масштабность и результативность советской модернизационной модели [1]; 2) революция как реакция населения на неспособность правительства удовлетворить потребности растущего народонаселения [8]; 3) революция есть экстремальное экзистенциальное усилие по достижению справедливости в несправедливом мире [10].

Из периодической печати следует выделить журнал «Философские науки», предоставляющий в каждом номере 2017 года площадку для обсуждения революции 1917 г. и её последствий. В русле наших рассуждений обращаем внимание на публикацию В.Г. Федотовой, которая провела обширный обзор отечественных и зарубежных публикаций, посвящённых революции как модернизационному проекту общественного развития, отметила амбивалентный характер оценок мыслителей и обосновала, что революции приходят туда, где опаздывает модернизация [11, с. 35-38].

Советское общество – это особый модернизационный проект XX века, который выступил локомотивом классической монархическо-буржуазной истории, дав надежду на самостоятельное развитие многим национальным общностям – от Вьетнама до Чили, от Монголии до Анголы.

Модернизация проходила по нескольким направлениям развития: экономическому, индустриальному, политическому, юридическому, социокультурному, эстетическому, этическому. Ускоренный характер обновления общественных отношений не мог не вызвать антиномий между классами, партиями и элитами. XX век – наиболее драматичный для России как по людским потерям, так и по кардинальным мировоззренческим трансформациям. В этот период происходит выработка новых ценностно-смысловых ориентиров: преданность революции как аксиологическая доминанта, низкая оценка индивидуальной человеческой жизни и личности, социальный утопизм. Имеет место нарушение словных мемориальных эстафет, закладываются новые коммеморатив-

ные ритуалы. В этой связи особенно важным следует признать всестороннее и полноценное осмысление истории революций и Гражданской войны, их место в современной России. Возможно, история никого ничему не может научить в силу неоднородности и аномичности исторического процесса, вместе с тем она имеет собственную ценность как коммеморативная практика, история болезни и, как говорят испанцы, *Antecedentes Penales* – картотека преступлений.

Проблемы изучения Революции 1917 года, её последствий для страны и мира – ключевые для отечественной исторической науки – сегодня требуют пристального внимания исследователей, не только историков, но и, безусловно, социологов, философов, политологов, культурологов. Проблемное поле исследований представляется чрезвычайно широким. Актуальность темы обусловлена социальными противоречиями, которые спустя сто лет после революции снова будоражат общество. Речь идёт о контроверзах труда и капитала, необходимой и прибавочной стоимости, социальном государстве и гражданском обществе, праве и необходимости в трудовых отношениях. Цель статьи – дать философско-акмеологическую характеристику истории России XX века, т. е. рассмотреть движение российского общества в социально напряжённом времени последнего столетия.

2017 год революционный втройне. Тысячу лет в Южной Индии назад родился Рамануджа, реформатор вишнуизма, который восстал против кастовой дискриминации. В 1517 году Мартин Лютер провозгласил 95 революционных тезисов об отношении Бога, церкви, государства и человека. Опрос студентов, проводимый автором, показывает, что порядка 20% первокурсников не знают, какая столетняя годовщина наступает в истории России в 2017 году. Личность В.И. Ленина обычно все опрошенные могут идентифицировать как государственного деятеля, политика. Вместе с тем фамилии Зиновьева, Каменева, Рыкова и других активистов РСДРП молодёжи не знакомы, равно как и имена других важных российских участников политических процессов столетней давности – Гучкова, Пуришкевича, Керенского и т.п. Вопросы о различии программы меньшевиков и большевиков вызывают затруднения. Непроходимыми дебрями представляются обучающимся вопросы о сущности марксизма-ленинизма, диалектического материализма, военного коммунизма.

Выводы, к которым пришли исследователи исторической памяти, заключаются в следующем: 1) наблюдается опасная тенденция к заб-

вению крупнейших событий истории XX века, 2) знание и уважение прошлого – необходимая основа социального согласия, 3) способность вспоминать как фактор грядущего предлагается в качестве способа актуализации исторической памяти и уроков революционных событий [2; 3; 4].

Коммеморативная практика событий 100-летней давности затруднена разными факторами: 1) выросла плотность информационного шума, 2) в сетевом обществе имеет место локализация мнемонических эстафет, 3) отсутствие принятой государственной стратегии по национальной памяти. Прогнозируя мемориальные эффекты отметим, что информационное давление будет только нарастать. И к 200-летию русской революции практика её памятования и всей 70-летней эпохи советской власти будет сведена к одной строчке – «ускоренная социальная модернизация XX века».

Спустя 100 лет после революции общество до сих пор сильно дифференцировано по уровню жизни. Вместе с тем структура бедности также изменилась, сегодня социальным низам есть что терять, гораздо больше, нежели накануне революции, их благосостояние увеличилось. За 100 лет построения социальной справедливости в России практически не осталось пролетариата. Три миллиона бездомных в современной России не являются социально активной группой индустриального и постиндустриального общества.

По мере роста класса собственников в России большевизм всё больше рассматривается как экстремистская модель политической борьбы. В условиях, когда эволюционным путём создание среднего класса было невозможно, происходит обоснование права пролетариата и беднейшего крестьянства на насилие и диктатуру. Отмена крепостного права, конституционная монархия, парламентаризм, буржуазные права и свободы – все эти меры запаздывали на 100-200 лет. Не случайно И.В. Сталин в своей речи «О задачах хозяйственников» на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. отметил: «Задержать темпы – это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную,

за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную... Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут... Мы решили ряд труднейших задач. Мы свергли капитализм. Мы взяли власть. Мы построили крупнейшую социалистическую индустрию. Мы повернули середняка на путь социализма. Самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали. Нам осталось немного: изучить технику, овладеть наукой» [9, с. 38-39, 41].

Сталин осуществил ускоренную модернизацию за счёт закрепощения крестьян в колхозы, которые обязаны были работать бесплатно, за палочки в табеле, при запрете покинуть деревню и отсутствии паспортов для колхозников. Вместе с тем крестьяне обязаны большевикам отменой задолженности Крестьянскому поземельному банку, совокупная стоимость которой составляла около 2 миллиардов рублей. Вдобавок после революции сельское население смогло осуществить «чёрный» передел земли, скота и сельхозинвентаря, построек частных имений, хотя и не надолго. С другой стороны, вооружённый город забирал у деревни зерно и скот в рамках «продовольственной диктатуры», наступившей уже в мае 1918 г., что привело к вооруженным конфликтам и многотысячным жертвам.

Большевики не воспринимали крестьян в целом как свою социальную опору, они нужны были как источник зерна и других продуктов, которое прятали от изъятия. Не случайно их изображали как идейно отсталую, пассивную, реакционную массу. Люди земли – главные жертвы трагедии 1917 года. 80%-е преобладание крестьянского населения накануне революции обуславливало главный конфликт революции – города и деревни. Снятием этого конфликта 70 лет занималась советская власть силовыми, экономическими, образовательными и инфраструктурными методами: «начиная с октября 1917 г. огромная государственная машина безостановочно работала, чтобы свести на нет материальное неравенство между людьми, и достигла в этом определенных успехов – в 1985 г. децильный коэффициент равнялся 4, в то время как в последние годы царского режима – около 7» [5, с. 124].

Сама экспроприация 1917 г. по принципу «грабь награбленное» не устраняет причин бедности. Вывод, к которому приходит Б.Н. Миронов, специалист по исторической социологии, – обобществление имущества богатых после революции не решило проблему бедности в России, т. к. «...имущественное неравенство в начале XX в. в России... имело

важную особенность: незначительное по западным стандартам богатство сосредоточивалось в руках лишь нескольких тысяч аристократов и представителей крупного капитала, а среди остальных 99,7% населения оно распределялось без кричащих контрастов» [4, с. 103].

В споре народников и марксистов о том, может ли Россия избежать индустриализации, победили марксисты. Спустя сто лет после модернизации мы имеем, как и ранее, диспропорцию между бедной массой и узким слоем привилегированных. Растущее расслоение становится наиболее острой социальной проблемой.

Социальная дифференциация – это показательный феномен, который к 50-й годовщине Великой октябрьской революции в 1967 г. продемонстрировал расхождение между официальной идеологией гомогенной социальной структуры, состоящей из господствующего рабочего класса, уменьшающегося количества колхозного крестьянства за счёт снятия различия между городом и деревней и особой социальной прослойки – интеллигенции, постепенно сокращающейся за счёт преодоления различия между умственным и физическим трудом. Новой элите хотелось видеть исполнение мечты о бесклассовом обществе прямо сейчас, когда место социальной стратификации занимало единое сообщество работников социалистического труда. Эта идеологема маскировала реальную стратификацию с громадными различиями верхов и низов, с мощным слоем партийно-государственной бюрократии. Социология вскрывала диспропорции ведомственного заказа и общественной практики и поэтому была нежеланна. Отделы статистики завышали темпы роста. Сегодня, спустя 50 лет развития отечественной социологии, мы имеем такую же проблему: занижение ценообразования в территориальных органах статистики и сдерживание, таким образом, прожиточного минимума.

Сценарий, когда одно и то же ведомство занимается деятельностью и при этом ведёт её учёт, напоминает классический конфликт интересов, когда заказчик диктует, какие цифры писать. Можно ли верить официальной статистике раскрываемости преступлений МВД? Способствует ли перевод Росстата в подчинение Минэкономразвития, который на основании расчётов первого делает экономические прогнозы, объективности данных? Отсутствие альтернативных вневедомственных статистических исследований не позволяет ответить на эти вопросы.

Минская конференция социологов 1966 г. констатировала, что реально обнаруженная социальная стратификация в СССР в виде нескольких уров-

ней рабочих, крестьян, разного вида специалистов, канцелярских служащих, инженеров не вписывалась в марксистскую схему, где не было места для «социальной стратификации», «урбанизации», «социальной мобильности», «социального неравенства», «иерархии». Достоинно внимания то, что полученные первыми социологами в СССР данные были обработаны теми же, что на Западе, методами, а именно, математическими. Не только математика как метод, но и социальная инженерия, автоматизация труда как социальный идеал сближали технократов СССР и Запада.

Пока партия рассуждала о преодолении противоположности между городом и деревней, труд колхозников в СССР фактически был бесплатным до 60-х годов прошлого века. При этом рабочие при советской власти приобретали сельскохозяйственные продукты за деньги у государства. Отмена системы бесплатного труда в колхозах (за зерно) произошла только в середине 60-х годов XX века, что является важной вехой в модернизации России. Это был первый реальный шаг к фактической отмене крепостного права. Потому что, отменив декретом 1917 года выплаты банкам за землю, большевики закабалили крестьян обязательным бесплатным трудом. Вторым шагом к отмене советского крепостного права стало введение в 1974 г. нового «Положения о паспортной системе в СССР», согласно которому жители сельской местности были уравнены в формальном праве на перемещение с жителями городов. Потребовалось более шести лет, чтобы обеспечить паспортами 100-миллионное сельское население. Фактически такой этап модернизации царской России, как выравнивание юридического положения жителей города и деревни, завершился со смертью Л.И. Брежнева. Следующий этап модернизации – перестройка М.С. Горбачёва (1985-1991 гг.) – ещё нуждается в переосмыслении и рефрейминге с высоты веков.

В статье была поставлена цель дать философско-акмеологическую характеристику истории России XX века. Для этого были решены следующие задачи: 1) выявлены сложности мемориального традирования новейшей истории России, 2) перепроизводство элит названо в качестве одной из причин революции 1917 г., 3) советский период развития России был охарактеризован с позиции ускоренной социальной модернизации, 4) сформулированы требования к актуальной технологической и ценностно-смысловой модернизации. Несомненно, Россия является частью глобальной системогенетики, но это не снимает ответственности за национальные ориентиры и решения. От них зависит место России в будущем глобальном порядке.

Источники и литература

- 1 Березкина О. С. Советский модернизационный проект в контексте опыта других стран // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года : матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2017. С. 37-40.
- 2 Глухарев Н. Н. Октябрь 1917 г. В пространстве исторической памяти: от мемориализации к забвению // Война и революция: социальные процессы и катастрофы : материалы Всероссийской научной конференции: электронное издание. Москва : МПГУ, 2016. С. 98-106.
- 3 Коваленко В. И. Историческая память как категория политической науки: к осмыслению уроков революции 1917 года // Историческое место советского общества : материалы Всероссийской научной конференции / под общ. ред. А. Б. Ананченко ; Московский педагогический государственный университет. Институт истории и политики. Москва : МПГУ, 2016. С. 22-29.
- 4 Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? Имущественное неравенство в России за три столетия, XVIII-начало XXI в. (статья первая) // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 96-104.
- 5 Миронов Б. Н. Какая дорога ведет к революции? имущественное неравенство в России за три столетия (статья вторая) // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 121-129.
- 6 Петин Д. И. Гражданская война в России (1917-1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения // Отечественные архивы. 2016. № 4. С. 130.
- 7 Розин В. М. Парад знаменательных годовщин (размышления о ситуации в российской философии и современности) // Философские науки. 2017. № 1. С. 41-57.
- 8 Сокол Ф. Н. Революция и социально-демографический фактор в обеспечении национальной безопасности России // Революции в отечественной и мировой истории: к 100-летию российских революций 1917 года : матер. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 14 апреля 2017 г. / под ред. В. М. Доброштан, С. И. Бугашева, А. С. Минина, Т. В. Рабуш. Санкт-Петербург : ФГБОУ ВО «СПбГУПТД», 2017. С. 366-369.
- 9 Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г. // Сочинения : в 13 т. Т. 13. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. С. 418 с.
- 10 Фатенков А. Н. Бездарность «элиты» и революционный эксцесс (удручающие исторические параллели) // Революция и современность : материалы научно-практической конференции 3 марта 2017 г. / отв. ред. А. Г. Аннин, Р. В. Евстифеев. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. С. 228-231.
- 11 Федотова В. Г. Революция и модернизация // Философские науки. 2017. № 4. С. 35-54.
- 12 Turchin P. Cliodynamics: History as Science. URL: <http://peterturchin.com/cliodynamics/>